

И.М. ЛОБОРЕВ

Научный руководитель Д.М. ПОПЕЛЬШКО
ГУ ВПО «БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Буддизм, возникший изначально как проявление религиозного и социального свободомыслия брахманизма, прошел долгий и сложный путь своего развития. Эволюционируя от философско-этического учения небольшой группы отвергнувших кастовый строй мыслителей, буддизм превратился в третью по значимости мировую религию и оказал мощнейшее влияние на мировую философскую традицию в Новое и Новейшее время. Являясь в какой-то мере повторением философии Упанишад, он в то же время представляется некоей универсальной, живой философской системой, способной к саморазвитию и самообновлению, превосходящему по «внутреннему потенциалу» исходное материнское учение брахманизма.

Центральной категорией, воплощающей в себе сущность буддийского учения, по праву считается категория нирваны. В то же время именно эта категория наименее всего раскрыта в буддизме, особенно в том буддизме, который изначально проповедовал Гаутама, получивший просветление и ставший Буддой. Основатель учения всегда последовательно и очень решительно отклонял все вопросы о подлинном смысле нирваны. Так, беседуя со своим учеником Малункьяпутой, Будда в итоге прямо говорит: «Пусть останется не открытым то, что мною не открыто». Такая парадоксальность в весьма последовательном учении далеко не случайна. Слово «нирвана» (ниббана) Будда использовал как некий образ, позволяющий схватить, уловить, интуитивно постигнуть истину, но ни в коем случае не понять и рационализировать ее.

Семантическое значение этого слова – угасание «пойманного» (по представлениям индусов) материей (топливом) огня – огня как некоей стихии, имеющей самобытийственность, которая после такого угасания освобождается от зависимости и становится спокойным и свободным. Нирвана уже на этом уровне понимания означает окончательный уход сущности, переживание такого состояния (амата) – переживание освобожденного разума (читта), независимого от «мирских привязанностей», достижения чистой свободы.

Нирвана, кроме того, достижима человеком на трех уровнях.

Первый уровень, доступный и, более того, переживаемый любым человеком – это моментальный уровень, переживание которого ограничено неким мигом, фрагментом бытия, который человек переживает ситуативно и оторвано от всей остальной событийности своего существования. Это

переживание, если исходить из буддийских текстов, даже не связано непосредственно с самим учением, человеку не приходится прилагать усилия для его достижения – оно «преданно» человеку, почти независимо от условий. Такое переживание оставляет лишь след, убеждает в возможности истинного бытийствования, но оно проходящее, человек не может удержать такое состояние, не способен продлить его и оказывается вновь «схваченным» обыденностью.

Второй уровень нирваны (или второй ее вариант) – жизненная нирвана, достигнутая человеком как некое стабильное, постоянное состояние, которое сопутствует его пути в этом мире и его делам. Жизненная нирвана есть следствие следования правильному пути – или Восьмеричному Пути, которому собственно и посвящена большая часть учения буддизма. Но творение дел, которое человек вынужден совершать, не дает истинного совершенства такой нирване. Подлинная нирвана – это полное отделение от данного бытия, на котором нет нужды ни в делах, ни в мыслях, и ничто в этом мире не может быть использовано для определения подлинной нирваны.

Нетрудно заметить, что нирвана противостоит другой категории – сансаре, обозначающей непрерывную цепь перерождений, несущей непрерывное умирание, страдание, незнание (авидья) в жизни человека. Сансара, задающая причинно-следственную связь существования (закон кармы) разрушается в нирваны, и здесь, именно в этом разрушении приоткрывается сущность нирваны, сущность, недоступная «слабому разуму», сущность, вопрос о которой приходится оставлять без ответа, ибо нет возможности описать окончательный уход индивидуального и обретение некоего вневременного единства со всем что есть, что было и что может быть. Такое разрушение есть истинная свобода, в которой бытие становится тождественным действительности, великое ничто, в котором полностью разрушены (преодолены) атрибуты и признаки кармического страдательного существования (сандхи).

Следует обратить внимание, что разрушение в этом понимании вовсе не синоним уничтожению. Уничтожение, представляемое как сущность нирваны, Будда назвал «дурной ересью», и, следовательно, проводил границу между уничтожением и разрушением, к которому, пожалуй, может быть в какой-то мере применен термин «деконструкция бытия». Очевидно, здесь ключевую роль играет понятие пустоты, или ничто. В классической европейской традиции пустота, ничто, Хаос понимается как невозможность ничего, полное отрицание потенции бытия. В буддизме пустота, наоборот, есть возможность всего, единство возможного, бытийствующего и действительного. В этом случае обращение к пустоте через разрушение не есть уничтожение. Но что оно есть? На этот вопрос буддизм позитивного ответа не может и не хочет давать.

Ведь вполне естественно, что такому даже не пониманию, а восприятию нирваны, невозможно подобрать позитивное определение. Все признаки, предикаты, хоть что-то утверждающие, не имеют ничего иного в своем основании, кроме как чувственности кармического бытия-страдания. Учение Будды, последовательно отбрасывающее чувственное начало во всех его формах, как внешней, так и внутренней, отбрасывало и основанные на этой чувственности понимаемые образы. Но чем оно их заменяло?

Вместо чувственно детерминированных позитивных понятий буддизм полагает внечувственное чистое сознание, неразделенное ни на какие составные словесные или рациональные элементы, целостное, единое переживание чистой духовности и истинного счастья такого переживания. Однако такое отрицательное представление о нирване раннего буддизма не могло не измениться в процессе его распространения среди других народов, менее пессимистически настроенных, нежели древние индусы. В результате к исходному, чисто негативному учению о нирване, добавляется новое, основанное на слиянии некоторых буддистских подходов и брахманистской концепции, согласно которой угасание индивидуального (атманического) начала приводит к воплощению некоего единого сверхсущностного божественного (брахман или Брахма). В этом случае все предикаты Брахмы становятся позитивными предикатами нирваны как состояния воплощения (принцип аватары или архатов и бодхисатв) Брахмы.

В дальнейшем ведический образ Брахмы был заменен образом Будды как божества, воплощающегося от эпохи к эпохе, так, что поздний буддизм, получив «прививку» от полностью противоположенных концепций, в значительной мере утратил исходное свое основание, но зато сохранил плоды – методы и подходы обращения к внутреннему миру человека, работу с его полагаемой сверхсущностью, духовным бытием, населенным архатами, тарами, бодхисатвами, людьми, достигшими нирваны, в некоем подобии рая.

Подводя итоги, следует сказать, что концепция нирваны имеет, таким образом, две полярности в своем восприятии – негативную отрицательную и позитивную утвердительную, причем буддийские тексты допускают оба толкования, оставляя вопрос открытым и лично значимым, не имеющим стандартных решений. Эта личностная значимость неразрешимой проблемы требует остановки мысли (апория), молчания, и обращается к неразделенности бытия человека. Пожалуй, именно это делает буддизм особенно популярным в современном мире, особенно среди элиты. В значительной мере общие подходы буддизма заимствованы в целом ряде философских систем Европы, его следы просматриваются в различных аспектах современной культуры и искусства, обращенных к проблеме свободы и бытия человека.